

К истории картины С. Черевкова «Розы»

В нашей семье с незапамятных времен хранится картина (50х60 см) Сергея Черевкова – две больших палевых розы в керамическом стакане, – выполненная в характерной для тех лет символистской манере и явно рукою мастера. Видимо, это самая ранняя из сохранившихся работ художника. Внизу полотна можно различить дату – 21 г. и подпись С. Черевков (тогда он подписывался еще своим настоящим именем). История этой картины, ставшая мне известной от моей мамы, в ту пору Ольги Пресман, думаю, стоит того, чтобы о ней рассказать.

Дело было в Киеве, в самый канун эмиграции Черевкова, к которой мама тоже приложила руку – свела его с одной знакомой семьей, решившейся на нелегальный переход границы и, видимо, имевшей там подготовленное "окно". В день рождения Сергея она послала ему эти самые розы, а спустя три часа получила с тем же посыльным еще влажное, но уже вправленное в раму полотно. Розы на картине плакали...

Ольга Пресман. Киев, 1921.

Излишне говорить, что означала в то время эмиграция, да к тому же нелегальная, как для самого отважившегося на этот шаг человека, так и для тех, кого он оставлял по эту сторону границы. Ведь из жизни последних он исчезал навсегда. Но для моей мамы это была еще и своя особая боль, потому что Сергея она любила. И если посодействовала в переходе границы, то лишь потому, что понимала всю бесперспективность их отношений – ему, человеку "голубой" крови, в советской России не светило ничего.

Непроницаемость железного занавеса в советские времена была разной. Для моей мамы она оказалась абсолютной. Неизвестно было даже, смог ли Сергей благополучно пересечь границу. И когда в 1960-е годы глухая завеса слегка приподнялась и стали возможны редкие посещения капстран, мама пыталась через знакомых навести какие-то справки, искала в

привозимых из-за рубежа художественных проспектах и каталогах, но все безуспешно: Черевков бесследно исчез, словно бы растворился. Так и умерла она в полном неведении о его судьбе, и, как стало теперь ясно, пережила его всего на четыре года. Нам, ее детям и внукам, в этом плане повезло больше – мы дожили до Интернета, который и позволил пролить свет на историю его эмигрантской судьбы.

Игорь Рейф (Франкфурт-на-Майне)